

Священник
Анатолий Гармаев

Матушка

Анатолий Гармаев

Матушка

«Издательские решения»

Гармаев А.

Матушка / А. Гармаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851151-6

Матушка... Кто она? Как ей устроить свою жизнь в священнической семье, на приходе, чтобы не терять отношения с Богом? Как любой женщине остаться женою, подругою, спутницею жизни для мужа? Книга раскрывает четыре характера матушек: имеющих духовную ревность, душевных, деятельных и отступивших от Бога. Живо рассказывает, как при каждом из них сохранить ревность угождения Богу, предупреждает возможность охлаждения веры.

ISBN 978-5-44-851151-6

© Гармаев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Матушка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Матушка

Анатолий Гармаев

© Анатолий Гармаев, 2017

ISBN 978-5-4485-1151-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Священник Анатолий Гармаев

МАТУШКА

Волгоград, 2003

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

митрополита Волгоградского и Камышинского

ГЕРМАНА

Матушка... Кто она? Как ей устроить свою жизнь в священнической семье, как ей быть на приходе, чтобы не терять отношения с Богом?

Как любой женщине остаться женою, подругою, спутницею жизни для мужа? Эти, и множество еще других вопросов, недоумений и душевных страданий переживает матушка, и любая верующая женщина, чувствуя себя порой невольной пленницей обстоятельств и поворотов судьбы. Впору опустить руки, отчаяться, ли обидеться, озлобиться. Но выход ли это?

Книга раскрывает четыре характера матушек: имеющих духовную ревность, душевных, деятельных и отступивших от Бога. Живо рассказывает, как при каждом из них сохранить ревность угождения Богу, предупреждает возможность охлаждения веры.

Глава первая. Матушка

Жену священника в народе называют матушкой. Кто она? Какого образа ей самой нужно держаться?

Как устроить ей свою жизнь, и как самой быть устроенной в священнической семье и в приходе, чтобы не терять отношений с Богом? Очень трудный вопрос, еще более трудный в его практическом разрешении, когда требуется не только услышать совет, наставление, но, самое сложное – исполнить его.

Характер ревностный о духовном

Счастлива та матушка, в которой с самого начала ее воцерковления теплая ревность к Богу неизменно остается в сердце.

Будут периоды, когда собственное неумение управляться с мутными движениями души (настроением, чувственностью, минутной горечью) будет приводить к потере теплого чувства Бога и обращения к Нему. Но привычка держаться за свою ревность к Богу, и больше того, чувство жизни, ясно переживаемое именно в пребывании с Богом, будут давать склонение в сердце, в душе к той части себя, где это живое отношение с Богом всегда есть. Тогда, в итоге, каждый период помутнения души или каждый минутный наплыв худого настроения, охлаждающего, отлагающего веру, будет восприниматься как еще одна возможность упражнения в склонении к тем расположениям сердца и тем уголкам души, в которых всегда есть теплота веры.

Навык этот – наиважнейший в жизни верующего человека. Из него, как из семени, произрастают затем все победы деятельной веры, совершающей в человеке его живую молитву, его искреннее и всегда с ним пребывающее покаяние, жизнеудостоверяющее его упование на Бога и, наконец, его любовь к Богу.

В других случаях временное помрачение веры, угасание ее будет восприниматься как попущение Божие и испытание ради умения стоять в уповании на Него или, как минимум, в терпении упования. И то, и другое требует и самих испытаний, подаваемых от Бога, и личного разумения, чтобы смирением распознать, что подается. Это от самое смирение распознания, которое святые отцы называют смиренномудрием. Оно дается кроткому сердцу в разумение духа и позволяет возставать над помрачениями веры. Оно поддерживается извне чтением молитв, чтением житий святых или трудов святых отцов и сердечным размышлением над ними, т.е. тем размышлением, которое происходит живым откликом сердца, совершается в разуме, в сердечной потребности жить, согласно прочитанному. Действия эти, казалось бы, обычные и всем знакомые, но поддерживаются они изнутри сердца и происходят как самая жизнь в делах по дому, по приходу, больше, чем общение с людьми или поддержание себя пищей и сном.

Это – дар драгоценный, данный от Бога: может, частью, по молитвам и праведной жизни предыдущих поколений – дедов, бабушек, прабабушек; может, частью, по молитвам самого батюшки, мужа матушки, если есть в нем особая любовь к ней, в сердечной благодарности Богу молитвенно собираемая; может быть, где-то по молитвенному участию духовника, если есть такой, умеющий скорбеть и молиться за чад своих; возможно, это просто дар от Бога ради

Его несказуемой и неизъяснимой любви к нам и премудрого Промысла, которым Он хранит, поддерживает и пестует Свою Церковь.

В любом случае дар этот нужно беречь в себе больше, чем что-либо на свете, больше батюшки, больше детей, потому что из этого дара теплой ревности к Богу дается немало утешений и богатств участия и батюшке, и детям, и всем окружающим матушку людям. Его нужно поддерживать постоянством обращения к нему и действием из него, черпая теплоту участия в ближних из этого дара – пребывания с Богом, жизни по Богу, из упования на Него.

Дар этот – смиренномудрие, нужно развивать тремя действиями воцерковления: первое – разумением учений Церкви, второе – разумением себя, жизни и своего служения, третье – сообразованием души, духа и своей жизни с Церковью, т.е. с Господом и Его волею, со святыми, с церковными людьми, с обычаями Церкви, их смыслами и содержанием.

Все это свойственно было благочестивым людям прошлых веков с самого детства, напечатлено ими как уклад церковной жизни своих родителей и окружавших их добронравных людей Церкви. В наше же время, когда семья была неверующей или скрыто верующей, когда с детства нельзя было взять в умение все действия воцерковления, приходится осваивать их извне, сознательно прибегая к ним и научая себя пользоваться ими, жить ими, порой усилием воли и разумением вводя их в свой собственный уклад и уклад своей семьи. Помогать в этом будет сама ревность к Богу, она будет искать этих действий, по началу как своей пищи, а со временем все больше, как своей жизни. Так сознанием нужно будет трудиться над этими действиями как над необходимостью, а ревностью прибегать к ним, сначала как к пище, а затем и самую потребность жить ими и в них.

Значительную помощь в таком характере жизни будет батюшка, искренне ревнующий о богоугодном жителстве. Искренне – значит в любом месте и в любое время, не только во время богослужения, или на людях, но, что особенно характерно, в своей семье он будет любить церковный уклад и церковные обычаи, будет жить ими как собою и весь пребывая в них.

Если же батюшка не так живет, а, приходя домой, расслабляется, т.е. церковная жизнь дается ему с некоторым напряжением, делается больше потому, что сан обязывает, да и на людях не будешь распускать себя, т.е. в своих не вполне церковных хотениях, и поэтому, приходя домой, батюшка может включить телевизор и отдаться тому, что там происходит, может заняться хобби: собаками, марками, музыкой, в том числе и современной, видеофильмами, газетами, компьютером и забавами в нем, может принять вина и водки для «легкости настроения», может ходить в чем попало, в какой угодно домашней одежде и т. д. – даже если все это присуще батюшке, тем не менее, сам характер его служения, сама необходимость регулярного обращения к Богу и весь порядок внешне церковной жизни уже сами по себе большая подмога матушке в ее ревности к Богу и устроении ее жизни по Богу.

Совсем плохо, если батюшка оступился и весь предался богатству и наживе, еще хуже, если запил, или, того хуже, отдался распутству, загулял на сторону. Равно бывает, когда батюшка охладел к служению, стал избегать церковных служб, треб, общений с людьми. Или наоборот, загордился, стал возноситься, впадать в надмение, высокомерие, стал резок, груб, начал ценить свои заслуги, звания, чины, держаться за них и, соответственно тому, стал устраивать свою жизнь в высокопоставленных встречах, застольях, окружать себя подобного рода людьми, сам входить в их круг. Либо, напротив, напала на него хандра, уныние, печаль, туга

душевная, беспомощность, бессилие, апатия, а то и депрессия, – мало ли что может произойти с человеком.

Тем более, если за плечами нет сколь-нибудь длительного воцерковления: только начал церковную жизнь, и через два-четыре года уже рукоположили; нет опыта ревности к Богу – одно только воодушевление; не сформированы нравственные и духовные ценности; нет опыта нравственной и тем более духовной борьбы; может быть, что и вообще нет об этом никакого понятия и представления. По причине молодости – человеку еще до тридцати лет – не отжили юношеские страстные увлечения; если ему до сорока-сорока пяти лет, бывает, что не пришла еще жизненная зрелость, не выстоялся характер, или, наоборот, застоялся в нецерковных привычках и ценностях. Много подобного и другого может быть.

При этом батюшка может не отдавать себе отчета, что с ним происходит, не знать, что вообще может происходить с верующим человеком по мере продолжения им церковной жизни, не ведать о жизни духовной, не чувствовать аскетику, напротив, безотчетно противиться ей, разбавлять ее, ту, что помимо его воли задается уставом Церкви, послаблять ее для себя и окружающих, не зная при этом ее настоящих смыслов, действий и плодов. Со временем ко всему этому может прибавиться обывкание, т.е. восприятие служения и церковной жизни как чего-то привычного, внешне исполняемого, с постепенной потерей благоговения, ревности духовной, жажды Бога. Затем пойдет процесс обмирщения, т.е. превращения церковных действий в ритуал, привычный, доведенный до возможной простоты и регулярной последовательности; либо обмирщение пойдет в другую сторону – умножения внешнего лоска и богатства храма, облачений, богослужения при потере или незнании внутренней нравственно-духовной жизни; еще хуже, если обмирщение поведет вообще в сторону от храмового служения – в разные житейские дела, увлечения или, казалось бы, жизненные необходимости: огород, сад, хозяйство, машина, дом, дети, друзья, знакомые и др.

Подобное развитие атмосферы в доме может сильно осложнить жизнь для матушки. Тем более духовная ревность приобретает в этом случае особые условия для постоянного горения Богу как за себя, так и за батюшку, так и за детей. Нужно будет прилагать немало усилий, чтобы сохранить в доме лад. Нужно будет обретать нравственную и духовную мудрость, чтобы, как минимум, поддерживать в батюшке самые наипростейшие смыслы церковной жизни, о которых он сам немало знает и говорит с амвона, но которые так и не вошли в кровь и плоть его личной жизни. Не задевая его самолюбия, как каплями живительной влаги, напоить его разум, его сердце, веру и совесть, чувство долга тем добрым откровением, которое вдруг останавливает человека в его худом стремлении, приоткрывает ему живую правду и божественную реальность жизни и дает неожиданное переживание и размышление, преображающие душу, переплавляющие ее в новую жизнь. Это будет происходить медленно, порой очень медленно. Но оно должно происходить. Иначе враг рода человеческого будет праздновать свою победу.

Каждое утро в своих утренних молитвах мы молимся: «Да не убо похитит мя сатана и похвалится, Слове, еже отторгнути мя от Твоея руки и ограда; но или хошу, спаси мя, или не хошу, Христе Спасе мой». И перед сном в вечерних молитвах мы просим: «Вем убо, Господи, яко недостоин есмь человеколюбия Твоего, но достоин есмь всякого осуждения и муки. Но, Господи, или хошу, или не хошу, спаси мя». Об этом же пусть молится матушка за своего батюшку. Просит за него и днем, и ночью, на всякий час и на всякое время.

Где взять ей силы для этого подвига, где самой найти утешение в житейских болезнованиях от скорбей ее семейной жизни? Во Христе и нужно черпать силы, во Христе и искать

утешение. А иначе – зачем мы христиане, иначе чем мы отличаемся от других, неверующих или в иное верующих людей?

Духовною ревностью нужно идти за Господом. Сослагаться не только с Ним, но и с Его подвигом любви к людям, с Его страданиями, смертью и воскресением. Нужно услышать сердцем и верою, что любить Господа, значит быть с Ним не только теперь, когда Он сидит одесную Бога-Отца и обещает помогать нам во всяком нашем добром прошении, но быть с Ним и тогда, когда Он страдал за наши грехи, а теперь ныне и присно, по любви Своей ради нашего единения с Ним дает нам разделить с Ним малую часть его страданий.

Любовь наша к Нему ищет этого разделения и не может не разделять. Когда же разделяет, то есть все скорби семейной жизни принимает от Него, как необходимые страдания из любви к Нему, Господь входит в сердце наше Своею благодатью и совоскрешает нас из смерти, из плена этих страданий, растворяя воскресением Своим их тугу и напоая терпением, великодушием и благопопечением о домашних каждую минуту и каждый час жизни. Скорбь и легкость ее несения сочетаются одновременно. И открываются сердцу необходимые слова утешения батюшки, или ободрения его в нравственных и духовных радениях, или буквального подталкивания в его обязанностях перед Богом, перед паствой и перед своей семьей. Все это знает духовная ревность и всему этому учится, и подвизается, и сама возрастает. Поэтому счастлива та матушка, у которой есть этот дивный дар от Бога.

Иное, если к матушки вера коротка и дар ревности к Богу слабый. Только в первые годы ее воцерковления и то и другое будет гореть в ней. Это действует призывающая благодать, участием которой большинство из нас, будучи неверующим, затем, как-то быстро, в год-два стали верующими. Первое время даже и с большим жаром. Только в этом жаре часть его силы составляет верою, а часть нашим самолюбием. Оно, примешиваясь к вере, дает ей ревность.

Только в такой ревности нет дыхания кроткого духа. Больше огонь притязания. Нет и разума, и мудрости. Больше себялюбивая прямолинейность, стремление исполнить задуманное во что бы то ни стало, упорная настойчивость, пронизанная чувством собственной правоты и правды. Стремление к эрудированности и пользование ею, церковной эрудицией, как в общении с ближними ради того, чтобы убедить их, так и в формировании собственных стремлений, ради того, чтобы осуществить их. Ревность не по разуму. Активность из самоутверждения, не ведающая, что есть соотносить свою волю с волей Божией. В этом состоянии матушка может годами не сознавать своего положения, не отдавать себе отчета, в чем пребывает и не слышать внутренних движений души и духа, которые в ней происходят. Слышать, чувствовать и видеть только проявления этих движений, но не их самих и поэтому не знать причину своих чувств, настроений, поступков. Спасает матушку в таком положении веры ее добрый нрав.

Характер душевный

Покладистая, внимательная к нуждам мужа, батюшки, трудолюбивая, ровная в обращении с мирным характером, она все необходимое по дому будет делать: мыть, стирать, готовить, заниматься с детьми, помогать батюшке, если о чем попросит. Жизнь ее будет в том, что все это она будет делать с радостью, ревностью и любовью. Церковная жизнь будет освящать ее основные душевные занятия, придавать им дополнительный смысл и оправдание.

Жизнь ее все же будет не в отношениях с Богом, а в ведении хозяйства, занятиях с детьми и уходе за бабушкой. Она будет искать помощи Божией, молиться, благословляться у своего батюшки на предстоящий день и, имея за собою благословение Бога, всею душою впадет в дела дня. Дарования души помогают в таком случае матушке исполнять нужное в благоую волю Бога, то есть так, как того требует само дело и материалы, из которых дело делается. Благой волей Своей Бог сотворил все предметы природы и дал им свойства, согласно которым исполненное дело будет иметь добротный вид и строй, будет долговечно.

Если матушка наделена способностями к приготовлению пищи, рукоделию и разному домашнему ремеслу, если имеет чувство уюта, вкус к порядку и чистоте, и за время своей дозамужней жизни обрела умения вести домашнее хозяйство, а теперь возрастает в них, тогда многое в доме будет делаться хорошо.

Если у матушки есть дарования нравственные, как то попечение об устройении дома ради всех, кто живет в нем, то и коврик теплый ляжет под ноги бабушке, потому что ноги у него слабые, застужаются; и занавески на окна в детскую подберутся плотнее, чем в остальные, чтобы не перегревалась комната из-за южной стороны, и детям было прохладно летом; и все прочие предметы в доме будут подобраны по людям, кому что нужно, что удобнее.

Другой дар души – созерцательная сила, благодаря которой матушка слышит уют, красоту не внешнюю, но ту, созвучную с природой самих вещей и с назначением, для чего они делаются или сделаны, а теперь применяются в доме; чувство благолепия всего, что она устраивает; чувство ладного, когда она одевает, обувает детей, батюшку, себя, чтобы все были по-Божьи ладно одеты: просто, со вкусом, благолепно, т.е. в согласии с нравом и видом самого человека, чтобы одежда отражала его душу, сама же, в свою очередь, собирала его в лучшем.

Третий дар – чувство долга, чувство обязанности и самая глубина того и другого, из которого оба первых исходят – свойство взаимоотношения, когда человек не может не ответить добром на услугу, помощь или внимание другого. Порой, бывает, один сделал другому совсем немного, да и обязан был сделать, а чувство взаимоотношения отвечает на всю полноту: я теперь до самой смерти тебе обязан. Обязан – то есть схвачен, повязан обязанностью. Не насильно, но по жизненной и личной необходимости так делать. И будет теперь делать, как сказал. Это свойство души рождает верность, составляет суть преданности матушки своему батюшке, детям. Я по жизни обязана быть тебе помощницей – так слышит себя матушка в отношениях с бабушкой, дети, я с вами всею душою до самой смерти – так слышит она себя в отношениях с детьми. И не может по-другому быть устроена душа, если ее сотворил Бог, сотворил по Своей благодати и вложил в нее благие свойства. Лишь бы только человек услышал в себе эти дивные дарования Божии и жил бы весь в согласии с ними.

Четвертый дар души – деятельная сила, которая не знает праздности, но вся в трудах без усталости. Не любит играть, не любит сидеть или лежать, не любит пустых и ничемных разговоров, не знает пересудов, сплетен, не живет ими, избегает их; не знакома с ленью, бежит от лени, не будет раскачиваться или мотаться из угла в угол. Всегда при деле.

По темпераменту матушка может быть разной. Одна в трудах стремительная, быстрая: не успели оглянуться, а уж все переделала, все исполнила, во всем навела порядок. Другая в движениях медленная, степенная, однако, и она успевает все по дому. Никуда не торопится, но и у первой ее стремительность не есть торопливость. Вторая делает все ладно, добротно,

но и у первой все ладно и добротнo выходит, скорость только иная. Обе в деятельной силе, т.е. в чувстве труда и любви к труду, не обделены Богом, потому и лени не знают.

Пятый дар – творческая сила, умение души неповторимо совершать жизнь. Действительно, что бы мы ни делали от души, все выходит по-новому, все чем-то отличается от сделанного раньше. Лишь там, где душа схвачена установками или какими-то обязательствами непременно делать один в один, там она и штампует, сама при этом не живя в своей творческой силе. Либо, бывает, что человек от испуга начинает повторять одно и то же, либо от страха перед наказанием или перед «крутым» характером ближнего запирается в своих возможностях творить жизнь и начинает быть вымуштрованным, как оловянный солдатик. Ты ему одно, он тебе: «Никак нет». Ты ему другое, он тебе: «Как изволите», или «Как скажете». Да ты ответь по-человечески: «Не могу». Бывает, в разговоре человек постоянно поддакивает тебе или на каждое твое слово кивает головой. Это что-то не в порядке у него с душой. Каким-то страхом и подбострастием она перехвачена. Вот и творческая сила в тисках. Не может он творить жизнь, весь односложный, однотипный. Крайние случаи такой болезненности души описаны в литературе: человек в «футляре», человек-«шинель», -«нос» и другие.

Матушка, наделенная творческим дарованием души, как вода в ручье – сколько ни смотри, не наскучит. Ни один перелив не повторится, а, казалось бы, то же русло, те же камешки на дне, да и вода, не иное какое вещество, одни у нее свойства, прозрачная да быстро-текучая. Но в движении неповторимая. Что в деле повтора не будет, что в беседе, что в обхождении. И со всяким человеком она жизнь творит, так что душа его жизненностью окрыляется, оживает, как пробуждается ото сна, и радостно становится всякое дело делать, любую обязанность нести. Разные матушки по-разному этот дар исполняют. Одни тихие и кроткие, скажут – утешат, сделают – ободрят; другие шуточные и веселые, скажут – рассмешат, сделают – как горизонты откроют; третьи серьезные и вдумчивые, скажут – встряхнут, сделают – словно заново родишься.

Все дарования души, сколько бы их не было, одной душе принадлежат, не отдельности какие-то, не разные стороны ее, но каждая свойственна всей душе. Как огонь источает свет и тепло вместе, поэтому и свет тепел, и тепло всегда со светом, так и душа со всеми ее дарованиями так живет, что одно дарование напояет богатством другие, и другие напояют богатством первую. Поэтому, когда трудится матушка, она влагается в труд всеми силами души, какие имеет. Оттого и дело получается добротное да ладное. От деятельной силы в него труд вложен, от творческой – неповторимость, от попечительной – чувство того, кому и для кого делалось это дело, от взаимоотношения – верность человеку и делу для него, от созерцательной – благолепие дела. Так же и с остальными силами. Чем богаче человек, тем богаче и добротнее и дело будет исполнено.

Шестой дар души – почитание, благоговение перед большим. Что же есть благоговение? Страх, исполненный любовью. Это дивное свойство души, благодаря которому душа проникается особым отношением ко всему доброму в ближнем, благоговеет перед добром. Даже чувство уважения, признания меньше, т.к. относится к внешнему ближнего и к проявлениям его нрава. Почитание же слышит сам нрав, доброе в нем. Больше того – оно имеет в себе избыточное благоговение, которое дарится другому сверх того, что он заслуживает. Так как это проявление любви, то и отношение к ближнему оно дарит от избытка, даром, наперед. Сила этого чувства в том, что им один поддерживает в другом его доброе и возвышает другого над собой. Это возвышение придает другому силы, поэтому и дорожит он почитанием.

Почитание близко лежит к взаимоотношению и одного с ним корня. Поэтому имеет отношение и к преданности, и к верности. Последние из него происходят. Господь вложил это свойство в душу человека как начальное и положил заповедь ему с самого младенчества: чти отца и мать твою. И из этого свойства души разовьются многие добродетели.

Хорошо матушке, если в ней есть эта сила души. Ею она чтит батюшку, ею чтит своих и его родителей. Ею же она чтит все угодное Богу в детях своих: чистое и доброе в дочерях, мужественное и великодушное в сыновьях. Услышав со стороны родителей почитание тех или иных своих качеств, дети начинают дорожить ими, лелеют их в себе, берегут и растят. Имея почитание, матушка никогда не впадет в чувственность или душещекочность к батюшке, никогда не услышит он от нее какой-либо дерзости, не найдет ее обиженной, не услышит капризов, истерик, не встретит кокетства, жеманства. Все это не свойственно почитанию, и оно гонит из души матушки все такие интонации и переживания.

Обращенное к детям, почитание хранит и развивает в них то, что по достижении возраста составит славу Божию в их характере и нраве. В мальчиках – все, достойное мужчины, воина, гражданина, отца семейства, мужа в супружестве, Божьего человека. В девочках – все, что достойно женщины, жены в супружестве, матери, дочери своего Отечества, человека Божьего. Отсюда в матушке мир, простота и одновременно сила в обращениях с детьми, почти невидимый, но явственно слышимый тон уважительности к ним, ласка и одновременно непозволительность с их стороны неприличного поведения. Это тот тон почитания, который обычно есть между равными и одинаково достойными, и, вместе с тем, незримо, но всегда присутствующая справедливость, по которой детям отведено все же детское место в семье. И это все просто и естественно живет в матушке, как что-то само собой разумеющееся, только потому, что в ней есть дар души – почитание. При таком свойстве матушки невозможно детям сделаться капризными, истеричными, непослушными, обидчивыми, упрямыми. Даже если и есть эти свойства в ребенке, очень скоро они исчезают в нем почти полностью, т.к. матушка ничем, никогда не поддержит их, не разовьет, больше того, даже как бы и не заметит их.

Седьмой дар души – разумная сила, та, которую многие отцы Церкви называют мыслительной силою души. Это не разум, которому свойственно наблюдать внешнее предметов и явлений, а о внутреннем заключать по внешнему. Это то зрение души, которым она проникает в самое существо вещей и явлений, открывает их для себя, во внутреннем взоре своем слышит, что происходит в окружающем ее мире. Этой силе души свойственно открывать существование мира так, как оно есть, не придумывая, не представляя. Ибо в отличие от нее разум обо всем судит примерно, догадками, почти призрачно, почти всегда сочиняя и фантазируя, добавляя от себя, мечтая.

Разумная сила есть причина мудрости матушки. Благодаря ей она не торопится с результатами, но может предчувствовать, предведать их; слышит, как повести дело, когда и с чем подойти к батюшке, к каждому отдельному ребенку; никогда и никого не раздражит, не обидит; не будет многословна, но всегда скажет просто и точно по делу, обстоятельству или по нраву ближнего; знает, как кого поддержать, всегда с этим будет вовремя, кого и когда утешить, знает и чем утешить; ни перед кем не заносится, всегда скромная, уступчивая, незлобивая, со словом веским, или словом метким, или словом, смысл которого откроется спустя время, тогда удивишься матушке и невольно будешь прислушиваться к ней, уважать, а потом и почитать ее. И все это дается матушке по причине дара Божьего – разумной силы.

Восьмой дар – любовь, сердечная сила. К чему ни прикоснется этот дар, все то наделяется от нее сугубой живостью, теплом, исполняется добротностью и начинает быть в мире с каким-то особым правом на свое присутствие среди вещей и предметов, источая щедрость, возвышенность, благолепие, одним словом, источая жизнь.

Печет ли матушка лепешки, пироги, хлеб – все выйдет пышным, румяным; растит ли цветы дома, сажает ли огород – все подымается сочно, богато; вяжет ли платки, варежки, носки – наденешь и не хочется снимать, так все мягко, тепло, уютно; возьмет ли в руки младенца – только что плакал отчаянно, а тут затих, успокоился, утешился; присядет ли к средним детям, немного поговорит, скажет что-то – и те придут в особый лад души, в котором ребенок укрыт, наполнен ласкою, побудет ли со старшими – и те остепенятся, придут в радушие, благодарность; останется ли с батюшкою – и он услышит мир, а в нем себя, в себе же часть себя, матушку, как свет и славу свою. И все это потому, что в матушке есть любовь.

Девятый дар души – ее вожделевательная сила, вожделение добродетелей, желание добра, воление. Она, как говорит св. Иоанн Дамаскин, является естественным стремлением души к добру, разумным и свободным, т.к. в человеке соединяется с разумом, и душа через нее сама в себе имеет образ предмета, дела или поступка, к которому рождается вожделение, желание. Поэтому вожделение не бывает пустым. Оно всегда напоено предвкушением добродетелей. Более того, приобретая это предвкушение добродетелей, оно и становится вожделением, т.е. разумным и свободным стремлением.

В этом смысле сила эта, коль она есть в человеке, и почему она отличается от похожего в животных, всегда живет и предвкушением и уже единением с добродетелями. Она ими и в них живет, напоая их движением.

Поэтому, влагаясь в добродетели или сочетаясь с ними, вожделение делается действием, имеющим свою цель, и подвигающим в свою деятельность остальные силы человека, в том числе разум, память, тело с его членами, а вовне в деятельность вовлекаются все внешние составы дела или события: материалы, средства, условия, люди.

Три последние дара – разумная, сердечная и вожделевательная (волевая) силы являются, по словам святых отцов, основополагающими силами души. Ими, составляющими нравственные основания, совершается ведущая деятельность души. При этом, в разумную вовлекаются созерцательная и творческая силы, в сердечную вовлекаются почитание и взаимоотношения, в волевою – попечительная и деятельная. Где-то вовлекаются, а где-то ведущие силы сами облачаются другими и через них или в них живут. Из этого складывается все богатство и разнообразие человеческих нравов и характеров.

Матушка, одаренная вожделевательной силой, имеет вкус к добродетельной, нравственной жизни. Это именно вкус, желание жить в добром, потребность души. Больше того, это и сама уже жизнь в добрых делах, поступках, в добром нраве. Это не разсуждение, что добро, что зло, не эмоциональное предпочтение, в котором живет чувственное «нравится или не нравится». Это по вкусу изнутри желаемое исполнение добра. Сама потребность добра вожделевательно живет в душе, ожидая возможности и условий для его осуществления. Но и не только ожидая. Много матушка делает, потому что предвидит: первое – нужды своих домашних (одежда ли стареет – скоро потребуются новая; пост ли близится – нужно сделать заготовки; трудные испытания наступают – нужно предупредить, утешить); второе – возможность устройства жизни в более удобное, уютное, доброкачественное; третье – необходимость перемены нрава

домочадцев из жадности в щедрость, из зла в добро, из неверия в веру. Вожделение деятельного участия в домашних и порождает ее живое присутствие в доме.

Бывает, что матушка в этом неупорядочена и неутомима. Так сделает, как никто и придумать бы не смог, о таких деталях попечется, на что бы и не обратил внимание. Но вот сделала – и правда, удобно, так удобно, как никогда.

Вожделение воли батюшки – оно одно только и слышит послушание как послушание. Батюшка сказал – примется и будет сделано. Это существенное свойство воли – входить в отношения с волей другого. Не разумом, не разсудком, и не эмоциональным откликом на человека, но непосредственно самой волей. Воление, будучи разумным и добродетельным, свободно ищет и хочет таких отношений со старшими, с большими. Так живут дети в те моменты, когда они принимают от взрослых повеление, совет и сразу приступают к исполнению. Образ дела уже дан в словах взрослого. Они берут его не разсудком, чтобы через него потом включить волю, а может и не включить, пропустив через какое-нибудь сомнение. Они берут непосредственно волей, своим волением, т.е. желанием делать и делать так, как сказал старший.

Как сказал старший – в этом разумность воления. Разумность, т.е. распознавание добра в том, что сказал старший. В грех разумная воля не пойдет. Сразу остановится или воздержится. Свобода же в том, что берут непосредственно, без разсудительных заплетений. Последнее свойственно обычно разсудку, который по природе своей не знает, что есть добро, будет путаться в представлениях и сомнительных разсуждениях, боясь потерять какую-нибудь свою корысть. Входить в отношения непосредственно или свободно – это значит быть с человеком не через эмоциональное восприятие его: нравится он мне или не нравится, обижена я на него или нет, хочу быть с ним или не хочу. Так ведет себя только та воля, которая повязана эмоциональными впечатлениями.

Свобода же в том, что ребенок легко поднимается от своих увлечений или занятий, не повязан ими, сразу отлагается от своих хотений. Детское воление еще незрело в разуме, но зато исполнено доверия взрослым и потому свободно откликается на действия взрослых. Воление же матушки тем более свободно, чем более оно стало зрелым в разуме. А по внешнему и внутренним чувствам оно такое же: сказали – свободно отложились от своих занятий, пошла и сделала. Потребность послушаться воли ближнего есть внутренняя потребность самого воления.

Этой же свободой матушка, исполняя то или иное дело, всю душою пребывает в нем, оставив все остальные попечения, всю себя посвящая тому, чем сейчас занята. Это тоже свойство свободной воли – предаваться всей душою одному занятию или одному из детей и быть с ним, пока не разрешится или не закончится обстоятельство.

Воля, исполненная разума, чтит нравственные правила и нравственный порядок жизни. Она своим существом узнает эти правила. Принимает их как жизнь свою, и сразу влагается в них, и с этого времени по ним живет. Разумную волю матушка чтит добрые обычаи, которые подмечает в людях, в своем народе и в той старине, которая сохранила их либо в виде книжных описаний, либо в рассказах старших, либо в их поступках и делах. Почитание обычаев старины – одно из важных свойств свободной воли. В воле почитание это всегда деятельное, ибо чтит вожделение, которое обычаем не созерцает и не рассказывает о нем, восхищаясь или умиляясь ему, оно без слов приемлет его в исполнение и просто начинает им жить. Жизнь в добрых обычаях для вожделения – сладость.

Воля теряет свою свободу, когда начинает повязываться эмоциональными и чувственными впечатлениями: близость с мужем, пережитая со страстью, роды ребенка, кормление его грудью – все это сопровождается сильными впечатлениями. Воля оплетается пережитой сладостью и удовлетворенностью чувственного материнства и поглощается ими. В результате матушка может говорить: «Сын уже два с лишним года, а я никак не могу оторвать его от груди. Весь изводится в реве, чтобы я дала ему грудь».

На деле же не в ребенке дело. В самой матушке. Ее волею хочется жалеть дитя, испытывать сладость его сосания груди, доверяться оправданию, что так хочет ребенок, а она, мол, вынуждена идти на поводу у него. На ребенка же смотреть больно. Малодушный, чуть что – в истерику, весь прилепленный к маме, не отпускающий ее ни на минуту, часто заплаканный, мало к чему открытый. Вождение ребенка повязано и пропитано чувственной привязанностью к маме. Вождение мамы тою же привязанностью пропитано к ребенку. Оба даже слышать не хотят о правилах поведения в храме или в гостях. Неприлично ребенку такого возраста сидеть все время на руках у мамы, тем более в обществе взрослых. Но ни ребенок не слышит этого, ни мама как бы не может это услышать. Попробовали отговорить ребенка – отвернулся, надувшись, попробовали оторвать – поднял рев на весь дом, да еще такой горький, как будто жизни лишают. Так и оставили их слеplенными друг с другом.

В таком состоянии воля самую себя не ведает. Она живет, вся движимая множеством разных чувственных впечатлений, полученных и удержанных за все время жизни, начиная с раннего детства. Нрав взрослого человека весь соткан бывает привычными и малосознаваемыми движениями воли. Движения эти малоуправляемы и почти непреодолимы, даже если человек начинает их сознавать и каяться в них, они, тем не менее, многими годами могут оставаться с ним. Поэтому одна матушка может, чуть что, впадать в уныние, другая, напротив, начнет, пинаться в ответ, третья кокетничает, четвертая сердится и норовит подраться, пятая дразнит, злит ближнего, шестая впадает в тугое молчание, седьмая сразу кидается в слезы и прочее. К чему с детства навыкла воля, то и вошло в характер.

Любое худое навыкание происходит из-за потери разума. Воля перестает быть разумной, либо она с самого детства и младенчества и не была приводима воспитанием в разум. Такая воля оплотняивается, что значит – предается неразумным, т.е. неугодным Богу желаниям, которые могут вообще выродиться в животные стремления. Человек перестанет быть человеком. Еда, зрелища (например, телевизор), сон, праздность, азартные занятия (игры подвижные, а теперь еще и компьютерные) вот и все, что будет занимать ребенка, а потом и взрослого. У последнего прибавятся еще и блудные усладения и развлечения. Начнется у человека скотоподобная жизнь. Воли здесь нет, она потеряна, т.к. она лишилась своего существенного свойства – разумности. Повязанная плотью, лишилась и свободы – второго ее свойства.

Вместо воли теперь в человеке безволие и животность, грубо сказать оскотинивание. Крайние случаи потери воли – алкоголики и наркоманы. Это потеря человеческого.

Не менее трагичны состояния людей, повязанных чувственной привязанностью друг к другу. Одному очень хочется досадить другому, тому непременно хочется ответить. Смолчал бы, может быть и прекратилась ссора. Но нет, терпел-терпел и все же ответил. А тому только этого и надо. И ссора будет разгораться обоюдным желанием непременно довести ее до точки кипения. А уж в кипении ни ту, ни другую повязанность воли не удержать.

Собственно, воли здесь и нет. Одна повязанность воли в психопатическом желании, которое действует неостановимо, из самой глубины души (еще бы – это ведь девятая, наиболее глубокая ее сила). Привязанные друг к другу различными психопатическими отношениями, супруги могут годами устраивать один другому самую неожиданную и малопредсказуемую жизнь, правда, в каждой семье разыгрывается при этом свой, вполне узнаваемый вариант отношений (свой сценарий). Начало этих сценариев закладывается матерью в душе своего ребенка в его младенческом возрасте. В подростковом возрасте сценарий этот пройдет свою первую самостоятельную пробу, в том числе и на самих родителях, а в собственном супружестве выросшего ребенка раскрутится с утроенной силой, обычно большей, чем заложила мать. Но так бывает там, где нет разумной воли.

Поэтому счастлива матушка, имеющая от своих родителей и от их воспитания свободную, разумную волю. Особенностью ее будет естественное склонение к добрым обычаям и нравственным правилам. Более того, в самой воле явится в ней образ верного отношения и поступка, при котором ближние невольно подтянутся в своем благородном, в своем лучшем – будь то дети или сам батюшка. Нет в этом движении воли кичливости или надмения, нет своеугодия. Напротив, она исполнена кротости, послушания, одновременно деятельного участия, попечения и помощи. В этих движениях ее жизнь, ее потребность и ее удовлетворение. Но такую волю невозможно обрести без действия благодати Божией. Без Бога ей нечем высвободиться из плена страстей, начало которым положено еще в самом зачатии и родах: «И во гресех роди мя мати моя» (Пс. 50). Благодать же вначале призывает воление человека к церковной жизни. Без существенных перемен в себе воление человека воскресляется благодатью к духовным действиям: он читает книги, молится, постится, ходит на службы, участвует в таинствах. Вера пробуждается в нем и воскресляет волю.

Но скоро наступает переходный период, когда благодать сокрывается в сердце, и воля остается при угасающей вере. Матушка остается один на один сама с собою. Вся ее телесная и чувственная обремененность, плотянность начинает набирать силу, возстанавливаться в прежнюю свою греховную живость. Воля расслабляется, угасает, теряется ко всему церковному и при этом начинает дозвонять ко всему животному или мирскому, или к тому и другому вместе. Это переходный период от призывающей благодати к собственно воцерковлению. Время самое опасное для людей «званных». Время, когда большинство из нас нуждаются в сугубой помощи со стороны. При этом, для многих людей одних богослужений и проповедей оказывается недостаточно. Процесс обмирщения будет идти неудержимо.

Нужна церковная среда – окруженность людьми духовно более зрелыми, ревностными в вере и по нраву своему попечительными о ближних. Нужен задаваемый средою, более активный образ церковной жизни, опережающий и увлекающий за собой церковный уклад. Нужны действия воцерковления – уразумение учений Церкви, разумение себя, жизни, служения и сообразование своей воли с волей Бога, со святыми, с церковными людьми и обычаями Церкви. Все это должно бы совершаться в жизни церковной общины, которая и становится общиной благодаря всем, в том числе и вышеперечисленным, действиям.

Действия уразумения, разумения и сообразования – это, в конечном итоге, и есть действия обретения разумной и свободной воли. Такая воля облекается верою и вновь начинает оживать, подвигаться в церковную жизнь, но теперь уже не воскресляемая благодатью, а движимая по причине своей свободы и разумной веры. Благодать незримо содействует человеку в этом обретении самого себя, где он сначала приходит в себя и затем обретается в церковную жизнь. «Пришед в себя и обретеса», – говорит Евангелие о блудном сыне.

Сообразование своей воли с волей Бога есть процесс, когда воля не только облекается верою, но напояется ею. Стремление к воле Божией, исполнение ее становится внутренней потребностью человеческой воли. Разумная воля человека сообразуется с разумной волей Бога, т.е. сначала облекается ею, а затем с годами церковной подвижнической, самоотверженной жизни напояется волей Бога как своей. Сообразование было бы невозможно, если бы Господь не вложил в волю человеческую вождение, воление Божией воли. Так же, как воле по ее природе свойственно тянуться «делать жизнь с кого», т.е. к старшим и большим по опыту жизни, так же и больше того ей свойственно тянуться к Богу, к Его Божественной воле. Это природная потребность воли человека. И в этой потребности больше всего выражается ее свобода. Поэтому Господь именно волею, т.е. нашим волением, вождением, и из него исходящим послушанием, призвал нас прийти в мир и в отношения с Богом-Отцом. Не будь этой природной потребности воли к послушанию Богу – невозможно было бы и наше послушание Господу, а равно наше обжение и, в итоге, усыновление Богу-Отцу.

Дивно, если матушка все это слышит своею волею. Тогда послушание батюшке будет исходить из ее веры и послушания Богу. Тогда этому она сможет научить и своих детей. Авва Дорофей пишет в своем девятнадцатом поучении: «Кто не имеет своей воли, тот всегда исполняет свое. Поелику таковой не имеет своего желания, то, что бы ни случилось, он всем бывает доволен, и так оказывается, то он всегда исполняет свои желания; ибо он не хочет, чтобы дела исполнились так, как он желает, чтобы они были, как будут».

Греховные покровы сердца

Святитель Феофан Затворник пишет о греховных покровых сердца. «Самый глубокий и ближайший к сердцу покров составлен из самообольщения, нечувствия и беспечности; выше над ним, ближе к поверхности, лежат рассеянность и многозаботливость (к ним добавим еще и дерзость – А.Г.), главнейшие деятели, скрывающие и питающие грех и греховные обычаи и порядки; самый верхний покров – это преобладание плоти – покров более других видный, не менее однакож их сильный и значительный»¹. Этими греховными покровами поражены и сильно извращены все силы души. Покровы паразитируют на них, искажая весь добрый характер наш. Порою настолько, что человек, читая данное выше описание сил души, будет удивляться им, узнавая их предчувствием или предведением, но ясно отмечая в себе лишь отдельные, да и то малые их проявления. А о многом скажет – как хорошо бы это иметь, но у меня их нет.

Счастлива матушка, если от природы и по воспитанию в ней есть те или иные дарования Божии. Чтобы все они были у человека – явление редкое, я не встречал. Но чтобы какие-то были из них, и при этом очень выражено – это знаю и дивлюсь, как Господь с любовью разсыпал свои дары среди людей, рассыпав, сохранил, мало того, взрастил и воспитал.

Есть, есть такие люди, и есть матушки, даже при всей сложности их характера, имеющие в себе среди всего порой сложного нрава, как бисер, вкрапления чудных сил души.

Но семейная жизнь – явление трудное и непростое. Самое опасное в ней – обывкание к церковной жизни, за ним сразу следующее – обмирщение, которое может завершиться полным или сильным оставлением самой церковной жизни. А там может потянуть и вообще к жизни светской.

У одних – к получению образования в каком-нибудь светском институте. Образование само по себе дело, может быть и нужное, но за ним стоит весь дух, вся атмосфера светского учреждения и светского характера применения преподаваемых знаний и предметов. В этом-то и окажется все дело. Душа этой-то атмосферы и будет желать, а, погружаясь в нее, как бы оживать, возвращаться к красочной и как бы вкусной жизни, отгоняя от себя всякое подозрение, что это жизнь, удаленная от Церкви, а по духу противная Богу.

У других появится тяга к музыке, музицированию, слушанию классики, к чтению каких-нибудь романов, к фильмам и к разным зрелищам по телевидению. Третьи просто погрузятся в дом, быт, в хозяйство. Четвертые предадут себя целиком детям и будут радоваться вместе с ними, устраивая разные земные дела и утех.

За всем этим, внешне вполне приличным и может быть, даже и добрым жительство, будет скрываться процесс обмирщения, т.е. все большего преобладания и развития греховных покровов сердца. Что же будет?

Прежде начнет набирать силу плотяный покров сердца. В доме появится достаток. Добротная пища, одежда более-менее приличная, удобства быта, там, глядишь, машина у батюшки, свой дом, свой огород, свое хозяйство. У каждой матушки что-то свое будет забирать в довольство жизни. Недовольство будет рождаться уже от этого внешнего довольства. Того-другого начнет быть мало – вот и недовольство появится. Аппетит приходит незаметно. Всего три-пять лет прошло, а матушка уже может забыть, как они начинали. Какая скудость была во всем, но как-то не очень замечалась. А уж чтобы через нее складывались какие-то смыслы жизни, или скудость эта вмешивалась в отношение ее с батюшкой, такого и в помине не было. Теперь же все по-другому. Значение материальной, а через нее плотской жизни становится все более серьезным и заметным. А чувство радости, довольства, утешенности будет все более связываться с плотяными переживаниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.